

вич чрезвычайно важные для него дни. Важные не только потому, что он восстановил здоровье. Это были еще дни учебы.

Раненные генералы и старшие офицеры разбирали итоги удачных, а чаще неудачных боев. Откровенно говорили о достоинствах противника, его тактике, маневрах, хитростях. Только в госпитале это и можно было сделать. Хвалить врага не было положено.

За три недели Черняховский узнал не меньше, чем в Академии. Такому его еще не учили. Из монастыря он вышел просветленным, с другим уровнем подготовки.

Дальше бои под Демянском, в армии генерала Берзарина. Демянск — это первая попытка Сталинграда. Первое крупное окружение немцев, сразу нескольких дивизий. Но — опыта и силенок не хватило, 16-я армия генерала фон Буша ушла в коридор, правда, ценой больших потерь.

Бои на подступах к Валдаю, на льду Селигера. Там дивизия Черняховского (какая дивизия — семьсот человек!) ночью на окраине села Монакова разгромила штаб 425-го немецкого полка, взяла важные документы и пленников. Комдив шел в первых рядах наступающих: не было ни одного танка. Пули и на этот раз обошли его.

И ВАНА ДАНИЛОВИЧА заприметили в Москве — в Ставке, в Генштабе. Ему дают танковый корпус и переводят на Воронежский фронт, к генералу Филиппу Голикову. Это уже лето 1942-го. 18-й танковый ведет тяжелейшие бои за Воронеж. И снова, танк за танком, корпус выбит. К концу июля в нем 40 машин. Но это уже не поражение 41-го года. Противник тоже понес серьезные потери и не смог взять восточную окраину Воронежа, а вскоре отдал и весь город.

В 1943 году мне было десять лет, и мы с матерью ехали через Воронеж в Москву. Это был первый полностью разрушенный город, который я видел. Трамвай шел сквозь кирпичные ущелья. Повсюду возвышались стены, хранящие отпечатки квартир. Кое-где, уцепившись за остатки перекрытия, раскачивались металлические кровати, чугунные рукомойки — то, что не сгорело. Через десять лет город был полностью восстановлен. Как мы могли сделать все это? Отстоять и отстроить сотни городов и тысячи сел? До сих пор удивляюсь.

...Дважды смерть пролетает мимо Черняховского, задев его — простите за поэтический образ — черным крылом. Снаряд противотанковой 75-миллиметровой пушки угодил в его командирский Т-34, но не пробил броню, лишь контузил.

Как-то раз он покидает танк, где воздух раскален до 42 градусов, и решает оглядеться. Прямо под ноги падает немецкая мина и зарывается в мягкий грунт, показывая хвостовик. Взрыватель не сработал.

Отважного и умелого генерала, умеющего принимать нестандартные решения, и, главное, инициативного, замечает Сталин. В конце июля 42-го Верховный впервые, пока заочно, с помощью связи ВЧ знакомится с Черняховским. Этот разговор — начало их долгих и не простых отношений. Сталин решает дать под команду Черняховского целую армию. 60-ю, уже не раз переформированную, но с традициями. Ее командующий Михаил Антонюк явно не на месте.

Не только Антонюк возражает против назначения молодого генерала, но и командующий фронтом Голиков, опытнейший вояка, бывший начальник ГРУ. Ему ли не разбираться в людях? (Тем более, что вскоре он станет начальником Управления кадров МО). Мотивы? Молод, горяч, нередко безрассудно храбр. Не дорос.

Тут, конечно, немаловажно еще одно обстоятельство. Армиями командовали люди, прошедшие, хотя бы в ранней молодости, как Голиков, школу Первой мировой или гражданской, чаще и той, и другой. Это своего рода клан, оседлавший высоты. Со своими понятиями, своими отношениями, своими нравственными нормами. Почти все они подавляли крестьянские и иные восстания, привыкли воевать со своими. Жуков напишет в первом томе «Воспоминаний»: «Поле было усеяно трупами врагов». Это он о восставших тамбовских хлеборобах, противостоявших профессиональной армии.

Черняховский не смог бы так написать. Он другого поколения.

...Кандидатуру Ивана Даниловича поддерживают самые интеллигентные военные: начальник Генштаба (только что назначенный) А. Василевский и его заместитель А. Антонов. Голос Сталина в этих спорах оказывается решающим. Еще бы.

Вообще удивительно, как Сталин умел разглядеть талантливого и трудолюбивого человека. С чужих слов. С телефонного голоса. Да, конечно, многих он погубил. Он тоже из «того» поколения, не привыкшего считаться с жизнями. С собственной тоже.

Но сколько он вырастил! Причем совсем молодых, которым без поддержки Верховного пахать и пахать на более низких постах. Вот так же углядел он 33-летнего инженера Дмитрия Устинова и назначил его на самую ответственную в ту пору должность — министра вооружений. В 1941 году! И Устинов «потянул». Да как «потянул»!

...60-я армия под командованием Черняховского особенно отличилась в феврале 1943-го, освободив Курск. Сил для уличных боев или для окружения у командарма было недостаточно, и он, лишь обозначив лобовое наступление, бросил основные силы в обход. Немцы, уже наученные опытом Сталинграда, начали спешно покидать город. Основные силы 60-й повели преследование на параллельном марше, выгоняя оперативную группу генерала Зиберта все дальше и дальше, а город взяли, что называется, одним полком.

В Курск входили уже в погонах (введены 6 января 43-го). Тысячи людей не только с радостью, но и с огромным удивлением глядели на необычную для советского человека форму. Помню и свое мальчишечье потрясение, пережитое под Курском, близ Обояни. Как же — погоны, символ враждебного, нехорошего офицерства.

В том, что Курск был освобожден не разбитым, заслуга Черняховского. Потери при этом оказались невелики. Жаль, салютов в честь освобождения городов еще не было.

Я видел последствия, которые вызвали параллельный марш 60-й и охватывающие удары Воронежского фронта под Касторной. Через слободу Стрелецкую под Обоянью, где мы с матерью пережили нашествие, неслись, бежали, скользая и падая, хватаясь за постромки упряжек, тысячи немцев, венгров, румын. Раненых везли в санях-лодочках, где они лежали туго привязанными. Эти лодочки то и дело переворачивались, и раненые ехали вниз лицом по обледеневшей дороге. В хату вбежали обмороженные немцы, сипя, спрашивали: «Матка, хлеб, яйцо, молоко?» Не требовали — спрашивали!

Немцы бегут. Это казалось невероятным. Мы и не знали, что и у них может быть паника. Надменные, грозные завоеватели!

...Между прочим, после взятия Курска на Черняховского посыпалось немало жалоб от военачальников. Мол, не уничтожил их ударом в лоб, убоялся, дал бежать. Но Сталин жалобы отменил. Это было время, когда он уже дал добро на публикацию Корнейчукского «Фронта».

Немного позже 60-я ушла далеко вперед, освободив старый русский город Львов: тем самым образовался Курский выступ, знаменитая дуга. Однако во время летних боев 60-я поначалу стояла в резерве, накапливая силы. Штаб находился в Спасском-Лутовинове, и командарм, нервничая и требуя последних новостей, бродил по берегу пруда, где когда-то не-

молодой Иван Сергеевич Тургенев объяснялся в любви юной актрисе Марии Савиной. «Колдовское озеро».

Уже тогда у Черняховского зародилось чувство, которое мы осторожно назвали фронтовой любовью. Лучше сказать проще: чувство любви.

Когда обозначился безусловный успех у Прохоровки, на южном фланге дуги, 60-я пошла вперед на Глухов, Путивль, Конотоп до самого Киева. Черняховский выбрасывал вперед моторизованные кулаки, усаживая пехоту на танки, вездеходы, грузовики, на лошадей: только вперед. Он прошел эти места со скоростью не меньшей, чем та, что развил в 41-ом Гудериан, отвернув от Москвы и замыкая с севера кольцо печально известного «киевского окружения». Немало помог молодому командарму — и советом, и техникой — командующий Центральным фронтом Рокоссовский. Он всегда покровительствовал Черняховскому и военной ревности не испытывал.

Вспоминают, что Рокоссовский хотел «отдать Киев» именно Ивану Даниловичу. Но, видимо, кто-то наверху решил, что еще зелен командарм для столиц. В книге одного доброжелателя прочитал, что генерал ошибся, переправляясь через Днепр в районе Дымера, где было много болот и лесов и трудно было развернуться.

Но при таких масштабах наступления командармы не выбирают районы переправ. Тут бери выше. У Черняховского случались промахи, но не от глупости и небрежности.

На переправе рядом с его плотом разорвался снаряд. Убило и ранило несколько человек. Но смерть и на этот раз обошла Ивана Даниловича. За эту переправу Черняховский получил звезду Героя.

60-я взяла Коростень, Житомир, потом отступила, отбивая мощные, заранее подготовленные атаки танков Хассо-Эккарта фон Мантейфеля, того самого азартного Хассо, который зимой 41-го совершил неожиданный бросок и переправился через канал Москва — Волга у Яхромы, грозя окружить столицу с севера. Этот же Хассо нанесет американцам чувствительный удар в Арденнах, что скажется и на действиях Черняховского: об этом чуть ниже.

Отбились от Хассо, снова взяли Житомир и Коростень и пошли далеко вперед, окружать фашистскую группировку у Тарнополя, на западе Украины. Именно в это время 60-ю армию посещает военный корреспондент Константин Симонов, оставивший любопытные воспоминания. Симонов суховат, строг в письме, но у него точный взгляд.

Он пишет о том, что у Черняховского требовали абсолютной правдивости и достоверности донесений. Никакой лажи, которая, увы, была бичом оперативной и штабной работы. «Наверх» посылали приукрашенные сведения, и этого совершенно не терпел командарм.

Однажды, получив от подчиненного неверный доклад о происходящем бое, Черняховский поехал на место, взяв подчиненного с собой, и, убедившись, что тот наврал, оставил его там, понизив в должности, сказав, что «отныне дает ему возможность действительно, а не на словах видеть бой». «Уважали его за строгость, и за хладнокровие, и за военные способности... здесь гордились еще и молодостью Черняховского, тем, что он самый молодой из командармов... как-то сразу и отдално бросилась мне в глаза его явная, здоровая, красивая, мужественная молодость... Помню и впечатление, которое произвело на меня умение Черняховского пристыдить, не унижая, потребовать от человека не только выполнения приказа, но и необходимой для этого веры в себя».

Последнее наблюдение Симонова кажется особенно важным.

В АПРЕЛЕ генерал-полковника (а затем генерала армии) Черняховского назначают командующим Западным, а чуть позже, после перетасовки, 3-м Белорусским фронтом. К этому периоду (ночь на 13 апреля) относится его первая личная встреча со Сталиным. Верховный хотел поближе познакомиться с человеком, которому он доверяет целый фронт, сотни тысяч людей и сложнейшую технику.

Сталин хорошо знал командующих фронтами, их замов, начальников штабов, членов Военсоветов. Более того, он хорошо знал и командармов, и комкоров, и многих комдивов. Следил за их боевой биографией. Если учесть все остальные сферы деятельности, следует сказать, что Сталин был человеком с редчайшей, уникальной памятью.

Сколько, вы думаете, было за время войны с Германией фронтов, с учетом того, что они переливались, возникали, ликвидировались, делились, словом, существовали в живом и деятельном процессе стратегического и тактического управления? Тридцать два! И почти все командующие — свыше шестидесяти — были людьми незаурядными, за исключением трех-четырех. Все — сталинские выдвиженцы, которых он, случалось, жестко отчитывал, но которых берег. Даже неудачников. Он прощал им серьезные ошибки, понижал до командармов или даже комкоров, снова поднимал, по мере того, как они отличались.

В ответ на протесты против назначения Андрея Еременко командующим Сталинградским фронтом после неудач генерала в роли командующего Брянским, Сталин писал: «Гинденбургов у меня для вас нет».

Только раз он сорвался. В нервном, катастрофическом июле 41-го, когда крушение Западного фронта привело к разгрому и пленению миллиона человек. Командующего, еще недавно любимца Сталина Дмитрия Павлова расстреляли. Сталин не любил вспоминать об этом, по-видимому, раскаивался.

Черняховский Сталину понравился. Верховный, естественно, любил статных, с хорошей выправкой людей, но не это было главным. Он довольно долго беседовал с молодым генералом, а затем было много встреч — и в Ставке, и на Ближней, и на Дальней даче. Черняховский не был похож на других командармов уже потому хотя бы, что годился Сталину в сыновья.

Сталин понимал, что он неудачливый отец. Отношения с Яковом не складывались, а теперь сын и вовсе оказался в плену. Василий много пил и гулял. Светлана страдала тяжелым комплексом нервных расстройств.

Отношение Сталина к Черняховскому было более теплым, чем того требовала служба. Это выражалось в выговорах, которые он, как и всем, делал генералу: чуть-чуть, совсем чуть-чуть более добродушным тоном: «Вы слишком азартны, слишком смелы для такой должности...» «Чересчур переживаете за солдат: смотрите, спасете пять человек, а потеряете тысячу...» «Вы, товарищ Черняховский, недостаточно требовательны к подчиненным...»

Просьбу молодого генерала об удалении из Военсовета фронта Льва Мехлиса, отличавшегося грубостью, крайней жестокостью и желанием вмешиваться во все оперативные дела, Сталин отклонил. Черняховский не мог не знать, что Верховный ценит и любит преданного Мехлиса. Другому командующему такую просьбу (или требование?) Сталин не простил бы.

Но чуть позже Сталин перевел Мехлиса на другой фронт.

В первую встречу Верховный расспрашивал о жене, детях, квартире. Напомнил весьма серьезно: «Семью надо ценить». И в заключение отправил вместе с семьей в Большой театр. Он очень любил отправлять подчиненных в Большой театр, которым гордился как своим детищем. «Вам надо отдохнуть сегодня».

В Белорусской операции фронт Черняховского воевал не хуже, чем фронт великого мастера Рокоссовского. Толпы пленных, продвижение по 30 км в день. Операция эта достаточно хорошо описана.

Под Витебском близкий разрыв авиабомбы опрокинул машину командующего, большой осколок, к счастью излетный, ударил Ивана Даниловича в висок, но не острым краем, что означало бы смерть, а плашмя.

С трудом извлекли командующего из машины: заклинило дверцы. Голова его была в крови, оказался поврежденным и глаз. Но и на этот раз повезло. Вот только пришлось несколько дней ходить со сплошь забинтованной головой, глядя одним глазом и стыдясь своего «геройского вида» перед подчиненными.

Сталин тут же позвонил по ВЧ, справился о состоянии. Представляю, как нервничал тот, кто докладывал Верховному о ранении.

3-й Белорусский освободил Вильнюс (вот и до столиц дело дошло!), повернув от холмов Вильнюса к Лиде, Гродно, неожиданно с юга подошел к Каунасу, городу-крепости с несколькими серьезными фортами, освободил его. Разворачиваясь, мимоходом охватил то поле под Шяуляем, где погибла 28-я танковая, и, обеспечивая стыки, 17 августа вышел к границе Восточной Пруссии, на реку Шешупе.

В ОТ И ГЕРМАНИЯ. В это время особого преимущества над противником у Черняховского не было, все решали быстрота и точность маневра. Среди его танков было немало совершенно непригодных для войны 44-го года американских «Грантов» (М-3). Но и их он использовал умело, вводя в прорыв только после того, как «тридцатьчетверки» пробивали брешь и ломали противотанковые узлы сопротивления.

Гаубица № 3922 сделала первый выстрел по Германии. Бывают города-крепости, форты, линии долговременной обороны, а бывают целые области, превращенные в крепость. Где нельзя выйти на оперативный простор, потому что за каждым узлом, каждой линией вырастают следующие — и так на три сотни километров.